

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации **Томиловой Надежды Анатольевны** «Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация Н.А.Томиловой вводит в современный литературоведческий обиход целый ряд новых научных идей, связанных с художественной интерпретацией дервишества как особой духовной практики. До сих пор концептуально значимых работ, которые были бы обращены к данному феномену и столь последовательно и разносторонне его исследовали, в отечественной литературной критике (не говоря уже об академическом литературоведении) не появлялось. Однако научная новизна диссертации определяется не только литературным материалом (творчество Сухбата Афлатуни или Александра Иличевского становилось пока только объектом кратких рецензий или отдельных статей), но и ракурсом исследования: традиционно периферийный для русской литературы образ дервиша становится ключом для понимания художественного строя произведений, авторы которых далеко отстоят друг от друга по своим эстетическим ориентирам.

Концепция диссертации не вызывает возражений: дервишество осмысляется не в узко религиозном значении (как ветвь исламского мистицизма) и не в ограниченно этническом содержании (как составляющая «восточного» колорита) – мотив дервишества рассматривается как комплекс ментальных установок, интуитивных озарений, эмоциональных реакций, ритуальных действий, психосоматических проявлений, мистических проникновений в сокровенные / божественные смыслы, имеющий в литературе характерные формы сюжетного выражения (странничество героев «в поисках себя и Бога», с. 153) и персонажного воплощения (герой-«путешественник», сознательно выбирающий свободу от любых социальных связей; на «духовное бродяжничество» героев указывается на как на один из

главных признаков, позволяющих рассматривать их как дервишей постиндустриальной эпохи).

Именно поэтому в поле зрения Н.А.Томиловой попадают не только произведения, в которых дервиш фигурирует в качестве «готового» персонажа («Перс» Иличевского или «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Афлатуни), но и те тексты, где образ дервиша формально не вычленяется («Математик» или «Анархисты» А. Иличевского) – но где едва проступающая сеть объективных соответствий указывает на «латентное» дервишество персонажей.

Убедительность не всегда очевидных сопряжений (дервишества и пантеизма, например, при анализе прозы Иличевского) или отождествлений (дервишества и поэтического вдохновения / мистического озарения у Зульфикарова) достигается во многом благодаря композиционной ясности диссертации. В первой главе – при ее обоснованной реферативности – дается четкое представление о тех гранях дервишества, которые для автора работы представляют наибольшую значимость. Нельзя не согласиться с тем, что все обозначенные черты («экзотические мистические практики», «бродячий образ жизни», «мистическое вдохновение, получившее воплощение в традиционных символах персидской поэзии и созвучное вдохновению поэтическому»; «древность и аутентичность института дервишества как живой мистической традиции», с.65) существуют как единое целое, как совокупность необходимых и достаточных признаков описываемого явления. Соответственно, вторая и третья главы работы представляют собой анализ прозы Афлатуни, Зульфикарова и Иличевского в рамках единой параметрической системы – и этим достигается концептуальная непротиворечивость исследования.

Работа Н.А.Томиловой с текстами Афлатуни строится по вполне традиционной схеме: осмысливается место образа дервиша в системе персонажей (хотя применительно к «Дню Сомнения» утверждение о том, что «дервиш является выразителем состояния изменчивых политических сил

постперестроечного времени», с.71, кажется слишком прямолинейным), выделяются его архетипические черты (дар пророчества, учительская миссия), справедливо указывается на трагикомичность писательской интерпретации вечного сюжета – казни Мессии. Пожалуй, именно последняя черта – ироническая перелицовка в прозе Афлатуни канонических сюжетов, резко выделяющая его среди других авторов, – могла бы быть более подробно рассмотрена в работе, цель которой – «исследование... феномена дервишества в современной отечественной литературе» (с.8) – наверняка предполагает и характеристику индивидуальных особенностей поэтики разных писателей.

Анализ прозы Т.Зульф리카рова оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, автор работы справедливо указывает на разные ипостаси образа дервиша, в которых он представлен у писателя: это мудрец, поэт, странник / бродяга, учитель, «всечеловек, мистик-космополит» (с.82). Дервиш описан как человек смиренный – но и как политическая фигура, представляющая опасность для тирана (с. 82, 83). Каждое положение подкреплено многочисленными примерами из текстов Зульф리카рова – но, с другой стороны, все эти характеристики даны в перечислительном порядке, «вслед за текстом», часто они просто повторяют то ключевое слово, через которое определен дервиш самим писателем (см., например, с.82: «Дервиш может скрывать за собой ангела: “В Книге сказано: Не забывай о странноприимстве, ибо под видом дервишей бродят по Аллаховой земле ангелы!”»). Констатация фактов не отменяет вопросов о связях между ними – но на эти вопросы хотелось бы получить более развернутые ответы.

Во-первых, соотнесенность образа дервиша – Ходжи Зульф리카ра – с образом христианского юродивого получает лишь «генеалогическое» объяснение: констатируется, что дервиш «стал певцом и Руси, и Азии, потому что он, будучи архетипическим альтер эго автора, – сын двух народов» (с.95). Очевидно, что дервиш и юродивый несут в себе инвариантные черты одного и того же культурного типа – но где проходит

граница между «юродством» дервиша и «дервишеством» юродивого (и существует ли она объективно), остается неясно.

Во-вторых, наличие конфуцианской и буддийской «коннотаций» в образе дервиша у Зульфикарова в диссертации тоже лишь обозначается – но не получает содержательного истолкования, которое бы позволило увидеть в мотиве дервишества новые, не предзаданные первой главой работы смыслы. Присутствие противоречий в образе дервиша добросовестно зафиксировано – но не сделано предметом исследовательской рефлексии автора диссертации.

В-третьих, прямое отождествление Ходжи Зульфикара и автора – Тимура Зульфикарова – сделано на основании лишь очевидного сходства имен собственных, с чем невозможно спорить, но чего явно недостаточно для анализа отношений персонажа и нарратора в субъектной структуре текста. Есть ли собственно повествовательные приемы, при помощи которых осуществляется «конвергенция» точек зрения автора, повествователя и героя?

Более цельной, на наш взгляд, получилась третья глава диссертации, посвященная творчеству Александра Иличевского. Если при анализе романа «Перс» основное внимание уделено персонажам-дервишам (Хашему, Велимиру Хлебникову или странствующим бродягам, которых главные герои встретили в детстве), то при работе с текстами «Матисса», «Анархистов», «Математика», «Ай-Петри» акцент сделан на экспликации неявных компонентов дервишества: эскапизм, поиски абсолюта, предпочтение персонажами иррациональных когнитивных практик обоснованно связываются с обретением героями духовного опыта дервиша. В социальных реалиях 1990-х гг. прочитываются символические корреляты архаичных социальных структур (распад советского государства, тупик общественного развития, хаос и всеобщий страх рассматриваются как явления, сопоставимые с катастрофами устремленного к апокалипсису мира, в котором обитал средневековый человек (с.114-116); тотальная неопределенность путей страны в будущее ведет к актуализации

персональных исканий, самопознания, движения внутрь собственного «я»). Оригинально и наблюдение над связью романа «Математик» одновременно с традициями изображения дервишей и литературой битников, указание на соотнесенность идеи поиска Бога в пространстве с образностью суфийской поэзии («пейзаж – это лик Бога»).

В «Ай-Петри» А. Иличевский словно бы предлагает своему исследователю соблазнительную интерпретационную версию – трактовку духовного опыта героя-странника как опыта прежде всего романтического, да и рождающегося в «декорациях романтической трагедии». Однако надо отдать должное концептуальной последовательности диссертанта: гипертрофия индивидуализма (когда вселенная кажется герою с горошину – так вырастает его «Я») получает истолкование в терминах дервишества – с акцентом на самоощущении пророка, услышавшего слова Бога. Полагаю, что раздел работы, посвященный романам А.Иличевского, можно признать научной удачей Н.А.Томиловой.

В заключение – несколько частных замечаний, связанных с отдельными формулировками работы. Определяя предмет исследования, Н.А.Томилова на самом деле указывает материал («творчество современных писателей»), а в характеристике объекта исследования называет скорее предмет, а не объект. В формулировке положения 3, выносимого на защиту, слишком много места занимает пересказ сюжета повести «Глиняные буквы, плывущие яблоки», а собственно защищаемую идею представляет лишь последняя строчка. В отдельных случаях выдвигаемые тезисы недостаточно точно раскрыты – автор работы ограничивается общими интерпретационными указаниями. Например, в описании ритмического строя прозы Т.Зульф리카рова Н.А.Томилова отмечает, что «амплификация не только придает речи особый ритм, но раскрывает в повторяющихся словах и синтагмах новые смыслы» (с. 99) – однако какие именно это смыслы, далее никак не поясняется.

Сделанные замечания, впрочем, не влияют на общее положительное впечатление о работе – это состоявшееся и самостоятельное исследование, в котором решены все поставленные в нем задачи и доказательно изложены новые научные факты.

Содержание автореферата диссертации Н.А. Томиловой соответствует основным положениям диссертации. Опубликованные статьи достаточно полно отражают её содержание.

Всё вышесказанное даёт основания утверждать, что рецензируемая диссертация представляет значительный научный и практический интерес. Это научно-квалификационная работа, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как значимое научное достижение, имеющее важное социальное и культурное значение, что соответствует требованиям п. 9, 10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата филологических наук, а её автор, Н.А.Томилова, заслуживает присуждения искомой степени.

25.08.2014

Профессор, доктор фил. наук,
зав.каф. иностранных лит-р и языков
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д.Ушинского»

 Т.Г.Кучина

Подпись Т.Г.Кучиной заверяю.

Начальник отдела кадров
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д.Ушинского»

 Ю.П.Волосов